

ДОБРЫЙ СКАЗОЧНИК?

К 125-летию Евгения Шварца

ТВОРЧЕСТВО Евгения Львовича Шварца (8(20) октября 1896 — 15 января 1958) подавляющее большинство наших соотечественников знает и помнит — если ещё знает и помнит — по прекрасным экранизациям его пьес-сказок "Тень" (1971), "Обыкновенное чудо" (1978) и "Убить дракона" (1988). Нет, конечно, экранизаций, в том числе и мультимедийных, было намного больше, однако по степени социального резонанса и, соответственно, по значению в истории отечественной культуры с этой "великопленной тройкой" им, пожалуй, не сравниться. Не говоря уже про театральные постановки или книжные — увы, до сих пор на удивление немногочисленные — издания.

Наверное, можно даже утверждать, что этот "киношный" Шварц оказывается для всех нас в итоге куда большей величиной, чем Шварц литературный или же театральный. Хотя, конечно, изначально он создавал свои пьесы для театра — и не просто для театра, а для ленинградского Театра комедии Николая Акимов, киносценарии же писал в основном "для заработка", и два этих творческих потока почти не пересекались между собой, во всяком случае, при жизни Евгения Львовича. Отсюда вовсе не следует, будто, работая над сценариями, он каким-то образом "халтурил" — достаточно посмотреть "Доктора Айболита" (1938) или "Золушку" (1947), чтобы убедиться, что это совершенно не так. Но всё же эти фильмы адекватно воспринимались прежде всего детьми, и сценарии к ним поэту писались соответствующие.

Режиссёр "Доктора Айболита" Владимир Немолов позднее вспоминал, что долго не мог представить себе кинообраз главного героя и обратился за советом к Шварцу: "Как, по-вашему, выглядит доктор Айболит? Наверное, добродушный, толстенный, всё время улыбается? У нас на студии, между прочим, есть тип, который всё время улыбается и одновременно делает людям гадости..." — спросил он. На что драматург ответил: "Зачем же ему всё время улыбаться, доброму доктору? Он же всё время озлоблен, у него много больных! Он — озлобленный!" Боже мой, я готов был броситься на шею Евгению Львовичу и расцеловать его: я мучаюсь уже несколько дней, не в силах найти черточку характера у доктора Айболита, за которую можно было бы зацепиться. Озлобленный... Но ведь это и походка, и жесты, и выражение лица!..." Отец Шварца, Лев Борисович, был врачом, но, несомненно, знал, о чём говорит.

А ведь то было время, когда сказку, которую долгое время гнали прочь из советской детской литературы, только-только восстанавлили в правах — практически одновременно с русской историей — и автор того же "Айболита" Корней Чуковский, у которого Шварц в 1922–1923 годы около девяти месяцев поработал литературным секретарём, быстро стал одним из "живых классиков" данного жанра, наряду с Самуилом Маршак-ом и Ангией Барто...

И в "Золушке", сценарий которой писался в самом конце войны, уже после премьеры в Москве и запрета "Дракона", Шварц предвосхищает позднейшие модернистские мотивы современных "фэнтези", насыщая классический сказочный сюжет вставными новеллами с участием героев других сказок: Кота в сапогах, Храброго портянки, Мальчика-с-пальчик, Синей Бороды... Все эти вольности сценариста из картины убрал, под вопросом был и сам фильм, но после просмотра в Кремле он был признан "победой Ленфильма" и всей советской кинематографии, получив допуск на широкий экран...

И только в 1949 году, после смерти Жданова и в разгар "ленинградского дела", в жизни Шварца (фамилия переводится с немецкого и идish как "чёрный") началось то, что можно назвать чёрной полосой. Нет, его не арестовали и не отправили в ссылку — удар пришёлless "по касательной", но закрыли возможность публиковаться и работать по специальности. Этот блок был снят только в 1954 году, но, конечно, не прошёл для писателя бесследно: здоровье его ухудшилось, чередой пошлil инфаркты. Он ещё написал свою последнюю пьесу-сказку "Обыкновенное чудо" (1956) и просто пьесу "Повесть о молодых супругах" (1957), дожид до премьеры фильма "Дон-Кихот" (1957) Григория Козинцева, для которого написал сценарий, но вот "Марья-искусница" (1959)

Александра Роу и "Снежная королева" (1966) Геннадия Казанского вышли на экран уже после его смерти. А обозначенная выше "тройка" фильмов по пьесам-сказкам Шварца — это чистой воды палимпсест, написанный поверх авторского текста, в контексте отечественных "застойно-перестроечных" реалий 1970-х–1980-х годов. Можно сказать, что время донгало художника и прочитало его по-своему, победив своим путём дальше. Неслучайно киноверсия "Тени", снятая Михаилом Казак-овым в 1991 году, уже никого не впечатлила...

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ШВАРЦУ миф о "гонимом гении", ненавистнике тоталитаризма, чьё существование якобы даже непредставимо в советском социуме, — тот самый мыльный пузырь, который не лопнул, но, напротив, заморожен, расколот и надолго, если не навсегда, засел в глазах и сердцах отечественных либералов.

С этой точки зрения весьма интересна полемика, которая возникла вокруг "Дракона" сразу после его появления на свет. Критиком пьесы Шварца выступил писатель Сергей Бородин, автор исторического романа "Дмитрий Донской". В своей статье "Вредная сказка", опубликованной в газете "Литература и искусство" (так с января 1942-го по ноябрь 1944-го называлась "Литературная газета", будучи объединённой с газетой "Советское искусство") 25 марта 1944 года, Бородин писал, что в этом, по его оценке, "пасквилю на героическую освободительную борьбу народов с гитлеризмом" "народ предстаёт в виде безнадёжно искалеченных эгоистических обывателей... Мораль этой сказки заключается в том, что незачем, мол, бороться с драконом — на его место встанут другие драконы, помельче; да и народ не стоит того, чтобы ради него колья ломать; да и рыцарь борется только потому, что не знает всей низоcти людей, ради которых он борется". Чем на это отвечал, гораздо позже, уже упомянутый выше режиссёр Николай Акимов, друг и товарищ, по его словам, "воинствующего гуманиста-антифашиста" Евгения Шварца: "На протяжении двух лет работы исторические события давали новую пищу для развития темы. Задержка открытия второго фронта, сложная игра западных стран, стремившихся добиться победы над германским фашизмом с неперменным условием максимального истощения советских сил, говорили о том, что и после победы над Гитлером в мире возникнут новые сложности, что силы, отдавшие в Мюнхене Европу на растерзание фашизму и вынужденные сегодня сами от него обороняться, не стремятся к миру на Земле и могут впоследствии оказаться не меньшей угрозой для свободы человечества. Так родилась в этой сказке зловещая фигура Бургомистра, который, изображая сказок в первом акте жертву Дракона, приписывает себе победу над ним, чтобы в третьем акте полностью заменить собою убитого Ланцетолом унгетателя города". И "Дракона", дважды "прикрытого" в Советском Союзе, десятки лет ставили в ГДР Венгрии, Польше, Югославии...

Ни для кого не секрет, что с началом Великой Отечественной почти 46-летний Шварц, скрывая свои проблемы со здоровьем, пытался записаться добровольцем в народное ополчение, а когда его обман раскрылся, участвовал в защите блокадного Ленинграда словом и делом, вполне заслужив медали "За оборону Ленинграда" и "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.". К своему 60-летию в 1956 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Опять же, это не значит, что писатель полностью принимал всё, с чем сталкивался на своём жизненном пути. Наверное, лучше всего об этом сказал он сам:

Я прожил жизнь свою неправо, Уклончиво, едва дыша, И вот — позорно моложавя Моя лукавая душа. Ровесники окаменели, И как не каменеть, когда Живого места нет на теле, Надежд на отдых нет следа. А я всё боли убегаю Да лау себе, что я в раю.

Я всё на дудочке играю Да тихо песенки пою. Упрёкам внемлю и не внемлю. Всё так. Но твёрдо знаю я: Недаром послана на землю Ты, лёгкая душа моя...

А вот из написанного, но вполне искренне, по "зову сердца", к 60-летию Евгения Шварца "юбилейного" стихотворения Ольги Берггольц:

Не только в день этот праздничный в будни не позабуду: живёт между нами сказочник, обыкновенное Чудо...

Он ведь из мира древнейшего, из недр человеческих грёз всё волшебство вернейшее, слово своё нежнейшее к нашим сердцам пронёс.

К нашим сердцам, закованным в лёд (тяжелей брони!), честным путём, рискованным дошёл,

растопил, принял...

Есть множество живых сказок, — нам ли не знать про это! Но не лагала ни разу мудрая сказка поэта...

Мы день твой с отрадой празднуем, нам день твой и труд — ответ, что к людям любовь — это правда. А меры для правды нет.

Как можно видеть, между самооценкой Шварца и оценками его "круга", который был чрезвычайно обширен, присутствует некий диссонанс. Диссонанс по неожиданной линии раздела "лукавость"/"честность" (шире — "ложь"/"правда"). То, что Берггольц называет "честнейшим путём", сам Шварц считает "неправдо прожитой жизнью". Для кого-то девиз "Пишу всё, кроме доносов" — нравственная вершина. Для автора девиза — лишь не слишком ловкое оправдание. Восхищаясь прозой Чехова, он писал: "Романтики, сказочники и прочие им подобные не вызывают у меня ощущения чужда. Мне кажется, что так писать легко. Я сам так пишу. Пишу с наслажде-нием, совсем не похожим на то, с которым читаю сочинения, подобные моим..." Как там у Пушкина: "Сказка — ложь, да в ней намёк..."? Сказка — но не миф.

СОБЩЕСТВЕННО, жизнь самого Шварца можно считать сказкой наяву. Участник Гражданской войны, сначала — на стороне "белых",

тяжело контужен во время корниловского "Ледяного похода", потом, с мая 1920 года, — на стороне "красных". С труппой ростовской "Театральной мастерской", где играл вместе со своей первой женой Гаяне Халайджиевой-Холодовой (ради руки которой прыгал в ледяную донскую воду), приглашён Николаем Гумилёвым в Петроград (сохранились даже фото их постановки гумилёвской "Гондлы" 1921 года). И молодые актёры приняли приглашение, отправившись на "питерские гастроли" с огромным, "полутоннометровой высоты бидонами подсолнечного масла", которое справедливо считали большей ценностью, чем сценарии того времени. Но, пока они собирались и добивались, Гумилёва уже арестовали и расстреляли. Редкие питерские представления "Театральной мастерской" успеха не имели, через год труппа окончательно распалась, но Шварц к тому времени уже завязал множество контактов в литературно-театральной среде, поработав литературным секретарём у Корнея Чуковского благодаря знакомству с его старшим сыном Николаем и быстро оказался в гуще культурной жизни Северной столицы, в которой оставался вплоть до самой смерти. Множество моментов и сюжетов, достойных внимания, просто не укладываются в объёмы этой статьи.

А главное, называть Шварца "добрым сказочником" — большое преувеличение. Это вообще — мимо. Да, он всю жизнь был добрым человеком (из всей биографии под вопросом — только уход от первой жены и их шестимесячная дочка Наталья в октябре 1929 года). И к людям он относился вовсе не так, как созданные им персонажи: мол, все люди — свиньи, только одни признаются в этом, а другие ломаются. Самохарактеристика из дневника писателя совсем другая: "Без людей он жить не может... Всегда преувеличивая размеры собеседника и преуменьшая свои, он смотрит на человека как бы сквозь увеличительное стекло... И в этом взгляде... нашёл Шварц точку опоры. Он помог ему смотреть на людей, как на явление, как на созданий Божьих". Но "добрым сказочником" Шварц не был. Сказочники вообще — не добрые люди. Потому что любая сказка — вовсе не борьба добра со злом, в которой побеждает добро, а борьба должного с недолжным, и зачастую в этой борьбе должное добро оказывается много хуже должного зла. Вот должное, а вовсе не добро в сказках побеждает всегда. А недолжное в них — гибнет.

У каждой эпохи — своё должное. Судить одну эпоху по законам должностояния другой — очень выгудное, но разрушительное занятие. И почему-то есть уверенность в том, что время на новых витках истории ещё поравняется с Евгением Шварцем. Возможно, не единожды. И уж точно не в рамках созданного на скорую руку и господствующего вплоть до нынешних дней либерального мифа об этом писателе.

Владимир ВИННИКОВ

СТИХИЯ

Олег БОРОДКИН

От осени не скрыться в кабаке.
В тюрюме
от стервы-осени не скрыться.
Бредёт она с верёвкой в руке,
Прохожим предлагаю удивиться.

Но лучше б нам плеснула пти вердо,
Кокура ли, кесфиси с мурведром...
Не спал я ни с какой Блужит Бардо...
Терпеть я не могу настойку кебра.

От осени не скрыться в камыше.
Не скрыться и в постели с азиаткой...
И хочется растратиться душой
На алуности без всякого остатка.

Нам вряд ли что нельзя под ливня стук.
Наступит срок, и дней иссякнет квота.
У осени порой бывает глюк,
И местность превращается в болото.

И жители столичных городов
Ведутся на осенние красоты.
Зимой же здесь полно снегов и льдов.
И тоже правят балом идиоты.

Не важно, кто прозревший,
кто слепой.
Ведь осень здесь для всех равноопасна.
Не сплывь ли с безлюкой толпой,
В которой все счастливы
и несчастны?!

Не стать ли обольстителем старух?!
Не сделаться ли сволочью без чести?!
Боюсь, озон в глазах уже потух,
И разум исчерпал запасы лести.

Ну да, случится чёртова зима.
Примчится на шипованной резине.
И люди, не сошедшие с ума,
Накупят разной хрени в магазине.

И мне наврут, что будет всё окей.
И я навру, что сам мужик отличный.
Люблю смотреть футбол,
люблю хоккей.

Я человеческий, вежливый, приличный...

Пока же время нашу спесь крадёт.
И памятник всё смотрит на дорогу.
И осень не спеша идёт-бредёт,
Уродуя сограждан поемному.

22 октября (пятница) 18.30
Презентация нового двухтомника
Сергея Сибирцева
"Государственный палач. Избранное"
"Приговорённый дар. Избранное"
Презентация издательства и библиотеки
"Отечественные записки"
Ведущий — Сергей Сибирцев,
автор двухтомника, председатель
Клуба метафизического реализма
ЦДЛ (Малый зал)
Адрес: Москва, ул. Б. Никитская, д. 53
(ст. м. "Баррикадная")

МРАЧНЫЙ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

«Золотые восьмидесятые» в картине «Общага»

ВОДНОМ сером-сером городе стоял серый-серый дом, и в нём жили серые-серые люди, коротавшие серую-серую жизнь. И даже смерть их была всё того же тоскливого цвета. Угадатеь с трёх раз, о каком времени идёт речь в фильме с такими исходными данными? Наверняка догадались — это серый-серый позднесоветский мир, именуемый в просторечии Совком. "Он беззвучен и неподвижен. Серый цвет... есть безнадёжная неподвижность", — писал Василий Кандинский. Такими предстают "золотые восьмидесятые" в кинокартине "Общага" (2021) режиссёра Романа Васьянова по роману Алексея Иванова "Общага-на-крови".

Работам Иванова не очень везёт с кинополющениями. То получается плосковатый "Географ глобус пропил" (2013), то фильм-комикс "Тобол" (2019), то — банальная теле-хвачка "Пищеблок" (2021). Наверное, Иванов — тот автор, чей слог не поддаётся переложению "на плёнку". Это не плохо и не хорошо. Обычный факт. Книги — многослойные, а на экране — кукиш с маслом, точнее без него. Признаться, "Общага-на-крови" я не осилила. После первой же фразы: "Они квасили всю ночь, день спали, а вечером сели опохмеляться" как-то не захотелось погружаться в сей мутный поток, но, памятая о вышеуказанных экранизациях, верю тем, кто говорит, что книга — лучше.

Итак, нам подсовывают общарпанную бытность, датированную 1984 годом. Его издавна облюбовали сочинители — и наши, и в особенности не наши. Оруэлловский адок "1984" задал некую моду на эти цифры, и потому скандальный "Груз-200" (2007) также отнесён в 1984 год, а писательская-патриотка Елена Чудинова в своей изысканной альтер-

нативке "Победители" (2016) описывает всё тот же 1984-й, но в параллельной реальности, где когда-то победили белые, а не красные. Напомню, что и приключения Алисы Селезнёвой в "Гостёе из будущего" датированы 1984-м годом. Это некая точка сборки, обладающая магией узнавания. Вещь ужас в том, что в серо-помощной безнадёге, показанной Васьяновым в "Общаге", лично я не узнала "своего" 1984 года — ближе всего эта полумгла к фантазиям Оруэлла и к балабановскому "Грузу-200", с которыми сравниваю "Общагу".

Изображать советскую жизнь через грязное стекло и печальный сумрак — это не ново. Это — как швыряние тортами в "немой" комедии на заре синема-тографа или пение с танцами в индийской мелодраме. То, без чего никак. Оно сделало общим местом уже с начала перестройки, и поэтому давным-давно никого не удивляет. Особливую нотку внёс Валерий Тодоровский со "Стилягами" (2008), где всё советское обладало пыльно-серыми оттенками, тогда как племя юных стилист диссонировало с пространством и временем, являя буйство чувств, красок, идей. Кстати, режиссёр "Общаги" Васьянов был оператором в "Стилягах" у Тодоровского. "Совпадение? Не думаю", — как иронизирует популярный телеведущий по фамилии Киселёв.

Безусловно, студенческое общежитие 1980-х не представляло собой фешенебельное обиталище. Однако сами комнаты смотрелись если не уютно, то обжито. Человек так устроен, что любую развалюшку старается оформить и приспособить под себя и свои маленькие капризы. Непременными были фото-портреты актёров, календари с японками в купальниках, поп- и рок-звёзды,

бухают. И — ещё "закидываются". Красивые, но потасканные девушки надсадно воют репертуар группы "Урфин Джюс". Локация — город Свердловск с его уникальной рок-культурой позднего СССР. Неплохая игра актёров чуть-чуть отталкивает от гнусного впечатления — талантливы Никита Ефремов (младший из актёрской династии) в трагической роли гения-алкаша; убедительна Ирина Старшенбаум в образе мильенной оторвы, живущей одним днём; роскошна Юлия Ауг — комендант общепития по кличке Ботва. В этаких рыхих кудельках Ауг напоминает Нонну Мордюкову в михалковской "Родне" (1981).

Перед нами самые разные люди и все — безумно ушербны и несчастливы. И отличница Кира в белой кофточке, и комсомольский вожак-подонок (а других не принято показывать!), и стеснительный Забела, и фарцовщик Игорёк, и палачи, и жертвы. По сюжету — два трупа, но гибель №1 и №2 — лишь пара запятых в мрачном повествовании, ибо та крошечность, какая царит в этой общаге, хуже небытия. Впрочем, как выясняется, кончина — добрый исход. Забела, придуренный Ренатом, обретает свой личный рай на морском берегу. В принципе, это можно было снять как полноценный триллер, но вышел унылеший инферно-манifest. Бесконечные длинноты, попытка заими, использование поднадоевших клише. Порция двухчасовой скуки о том, как плохо жились в СССР. Вещь наш Совок — такая вот общага! — как бы кричит нам автор. Господа! Советского Союза давно нет, а вы всё помните, как вам тряпать и секса неодолимо. Хотя, секса в картине много, ибо он всё-таки был.

Галина ИВАНКИНА

ВОСЕМЬ МУЗ ИЗ ДЕВЯТИ

О песнях Виталия Аверьянова

СЛУШАЯ ПЕСНИ Виталия Аверьянова, я пришёл к выводу, который и сформулировал в заглавии этой заметки. А именно: из девяти античных муз в песнях В. Аверьянова нет только одной — Терпсихоры. То есть, иначе говоря, Аверьянов не танцует. К сожалению. Или — к счастью. Трудно сказать. Хотя "заочно" отчётливые скомошоры пританцовывания здесь, в его текстах явно присутствуют.

Думаю, правит всем в произведениях автора всё-таки Каллиопа, муза эпической поэзии.

Этиология (не в медицинском, разумеется, смысле, а в философском) поэтического творчества В. Аверьянова — в русском эпосе, в глубоко-былинном начале и в более поздней, но тоже "каллипоповой" русской исторической песне.

То есть тут где-то рядышком и "главная по истории" Клио. Каллиопа и Клио, как известно, очень дружили у себя там, на Парнасе. А В. Аверьянов, в свою очередь, на нашем современном русском Парнасе очень и очень дружен с этими милыми древнегреческими девами. У него с ними установилось то, что современные гуманитарии называют межкультурной коммуникацией.

Далее: практически все произведения автора — своего рода пьесы. Это эпос, который последовательно передаётся через драматическое начало.

Автор, конечно, поёт (и очень хорошо поёт), но он всегда как бы вокально-инструментально разыгрывает текст в песне. Тут есть и трагедия (Мельпомена), и комедия (Талия).

Можно охарактеризовать эти песни как трагикомический эпос. Причём — с мощнейшей лирической составляющей: лиро-трагикомический эпос.

Опять же, лирический спектр здесь максимально широк: от биографии (Полигимния) до традиционной лирики, в том числе, разумеется, любовной (Эвтерпа, Эрато).

В общем, как видим, В. Аверьянов — и Боян, и Баюн, и гимнограф, и скомохор. К тому же ещё и хлебниковский "Бодисатва на белом слоне".

Если проводить аналогию песенного творчества В. Аверьянова с творчеством других авторов-исполнителей, то, пожалуй, я бы назвал в первую очередь Высоцкого и Башлачёва.

Понятно, что такая аналогия не говорит о некой вторичности, совсем нет. Просто у Высоцкого и Башлачёва то же

многочислен, а у большинства авторов всё-таки муз поменьше. Три-четыре, а то и одна-две.

Кроме того, В. Аверьянов явно находится и где-то в "хлебниковском измерении" (неслучайно ряд песен с диска "Империя зла" на стихи В. Хлебникова).

Обязательные персонажи аверьяновских песен: язык, языковая игра, "театр скорнений", каскады "метко-неточных" рифм и т. д.

Аверьянов очень щедр на поэтические приёмы ("Россия — щедрая душа"). Уверен, если взять самый-самый толстый словарь тропов и фигур, то все эти фигуры и тропы обязательно найдутся в его текстах. А может быть, будут открыты и какие-нибудь новые образовательно-выразительные средства русского языка.

Наконец, В. Аверьянов пишет тексты явно не для тех людей, которые ограничили своё образование сдачей ЕГЭ. Это, помимо всего прочего, песни человека науки, крупного учёного (здравствуй, Урания!). Слово бы (часто озорные) научно-популярно-зарифмованные и положенные на музыку лекции по философии, истории, геополитике, политологии, социологии и т. д. Кстати, одна из "лекций" адресована лично В. Путину. В виде наказа (вышедшего перед президентскими выборами 2018 года и вошедшего в диск "Русская идея"). Нормально. А почему нет?

Жаль (и странно), что у древних греков не было некой музы политической публицистики. Её можно было бы по-русски назвать, например, Выхорема, или Боллелетения, или ещё как-нибудь красиво. В любом случае эта муза стала бы подругой В. Аверьянова. Потому что он умеет весь этот былинно-лирико-театральный синкретизм сделать в высшей степени злободневным.

Тогда бы моя заметка называлась "Девять из десяти". Но пусть будет, как есть.

А Терпсихора, оставшаяся не у дел, в образе какой-нибудь современной модной танцовщицы утешит себя на очередном синкретическом творческом вечере Виталия Аверьянова. (См. по этому поводу новый клип "Догадка", где танцует великопленная балерина, выступая во взаимодополняющем диалоге с автором, прекрасно играющим на гитаре.)

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НА ЗОВ ЗВЕЗДЫ

Новое документальное кино в Доме Ростовых

О фильме:
Ушедший на пенсию военный спатель Александр Лазаренко не может расстаться со своей профессией и организовывает экстрим-экспедицию "Найти упавшую звезду".

О режиссёре:
Дмитрий Геннадиевич Завильгельский — режиссёр и продюсер документального и научно-популярного кино. Родился в 1973 году в Москве. В 1995 году окончил МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет почвоведения, в 1998 году — Высшие курсы сценаристов и режиссёров, мастерскую режиссуры документального кино Леонида Гуревича.

Автор и режиссёр 40 документальных фильмов (в том числе трилогии об Аркадии Северном). Лауреат международных кинофестивалей, национальных премий и фестивалей. Основатель кинолукла FilmDoc.ru. Руководитель мастерской документального кино на Высших курсах сценаристов и режиссёров.

О режиссёре:
Дмитрий Геннадиевич Завильгельский — режиссёр и продюсер документального и научно-популярного кино. Родился в 1973 году в Москве. В 1995 году окончил МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет почвоведения, в 1998 году — Высшие курсы сценаристов и режиссёров, мастерскую режиссуры документального кино Леонида Гуревича.

Автор и режиссёр 40 документальных фильмов (в том числе трилогии об Аркадии Северном). Лауреат международных кинофестивалей, национальных премий и фестивалей. Основатель кинолукла FilmDoc.ru. Руководитель мастерской документального кино на Высших курсах сценаристов и режиссёров.

Основатель кинолукла FilmDoc.ru. Руководитель мастерской документального кино на Высших курсах сценаристов и режиссёров.

Даниил ДУХОВСКОЙ
21 октября (четверг) 19.30

Премьера документального фильма режиссёра
Дмитрия Завильгельского
"Найти упавшую звезду"

Зал Ассоциации
Союзов писателей и издателей
Дом Ростовых (ДомРост)

Вход свободный
Адрес: Москва, Поварская ул., д. 52/55, стр. 1 (ст. м. "Баррикадная")